

В.П.Сударев

Латинская Америка в геополитическом треугольнике США — Китай — ЕС

Статья посвящена заметно усложнившейся геополитической ситуации в Латинской Америке. Несколько великих держав сразу стремятся оказывать влияние на экономические и политические процессы, происходящие в этой части света, что ставит перед государствами региона весьма непростую проблему выбора, тем более, что образованные несколько лет назад интеграционные группировки «нового поколения» еще не превратились в акторов мирового уровня.

Ключевые слова: США, КНР, ЕС, трансокеанские коридоры, миграция, Куба, дипотношения.

К середине второго десятилетия XXI в. Латинская Америка оказалась по сути в центре трех главных несущих конструкций современной мировой политики — Соединенных Штатов, Китая, и Западной Европы. С точки зрения геополитической терминологии она превратилась в своеобразное «метополе», т.е. территорию, на которую в плане экономического и политического влияния претендуют одновременно несколько государств.

Не будем углубляться в историю предшествующих столетий, в частности, периода Великих географических открытий и даже в столь насыщенный геополитическими коллизиями прошлый век. Подчеркнем главное: в образовавшемся своеобразном гигантском треугольнике влияния латиноамериканские страны уже не играют роль пассивных акторов, которые пытаются лишь установить привилегированные союзнические отношения с «сильными мира сего». Ведущие государства региона существенно нарастили свои экономические и политические «мускулы» и претендуют на роль самостоятельных игроков, образуя не только новые региональные объединения, но и активно работая по линии «Юг — Юг». Это относится не только к деятельности BRICS, но и к тому, что Аргентина, Бразилия и Мексика — полноправные члены Большой двадцатки (G-20).

Владимир Петрович Сударев — доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЛА РАН (v.sudarev@mtu-net.ru).

И все же встраивание в экономику XXI в. для большинства государств региона, заинтересованных в окончательном преодолении состояния периферийности, невозможно без налаживания равноправных отношений с ведущими мировыми центрами, тем более что некоторые из них, на первый взгляд, неожиданно развернулись именно в сторону Латинской Америки. Речь в первую очередь идет о Китае.

ЭКСПАНСИЯ, КОТОРАЯ, НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД, БЛИЗКА К ЗАВЕРШЕНИЮ

В полном смысле слова нашествие Китая на Латинскую Америку в первом десятилетии XXI в. резко изменило геополитическую картину мира, при этом, заметим, в весьма выгодную для латиноамериканского региона сторону.

А ведь все начиналось без резких скачков и крутых виражей смены курса. Здесь следует отметить весьма любопытную деталь. В начале нового столетия КНР, всегда корректная в своем поведении на рынках других стран и избегавшая конфликтных ситуаций, что выгодно отличало ее от ведущих западных держав, стремилась проводить в Латинской Америке политику «низкого профиля». У автора этих строк сохранилось в памяти участие в ряде международных конференций и конгрессов, посвященных становлению нового миропорядка. Так вот, китайские участники, читавшие свои доклады исключительно по лежавшему перед ними тексту и, как казалось, опасавшиеся от него оторваться, всячески подчеркивали отсутствие у Китая каких-либо экспансионистских устремлений в Латинской Америке и, в особенности, планов вытеснения США из этого региона.

Ситуация начала стремительно меняться к середине десятилетия. Уже в конце 2004 г. на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (Asia-Pacific Economic Cooperation, АПЕС) в Сантьяго (Чили), главной фигурой, к которой было приковано всеобщее внимание, был отнюдь не Джордж Буш-младший, а премьер КНР Ху Цзиньтао, который не скрывал интереса Китая к латиноамериканскому региону. Чего только стоило его сенсационное заявление о том, что Китай в ближайшие десять лет намеревался инвестировать в Латинскую Америку 100 млрд долл.¹

Создается впечатление, что эти планы были основаны на тонком экономическом расчете. По крайней мере статистика свидетельствует, что заявления китайского премьера не были голословными. Причем, сделано это целенаправленно. Как известно, Китай является самым крупным в мире импортером нефти (6,4 млн баррелей в сутки). И инвестирует он соответственно в нефтяные отрасли ведущих государств Латинской Америки. Так, в ноябре 2013 г. группа китайских компаний за 2,6 млрд долл. приобрела перуанский филиал бразильского «Petrobras» (Petróleo Brasileiro S.A.). А спустя месяц китайские компании купили 20% прав на добычу и экспорт бразильских месторождений на континентальном шельфе за 1,4 млрд долл. Общий объем китайских инвестиций в Латинской Америке к 2013 г. приблизился к 80 млрд долл., что составляло 13% от их общего объема².

Еще более впечатляюще выглядит рост товарооборота. С 2000 по 2013 г. он вырос с 12 до 261 млрд долл., т.е. увеличился почти в 22 раза. Это дало по-

вод главе китайской делегации на седьмой по счету встрече деловых кругов Китая, стран Латинской Америки и Карибского бассейна в ноябре 2013 г. в Сан-Хосе (Коста-Рика) говорить о том, что стороны проложили «морской шелковый путь», связывающий два региона через Тихий океан.

Напомним, что с Чили, Перу и Коста-Рикой Китай уже заключил соглашения о свободной торговле. А несмотря на отсутствие подобных соглашений с Бразилией, Китай стал ее главным торговым партнером и занимает второе место в связях с Аргентиной и Колумбией. По прогнозам экспертов в 2015 г. Китай может в этом отношении опередить США.

Очевидно особое внимание к развитию контактов с южноамериканскими гигантами — Бразилией и Аргентиной. Они имеют мощные агропромышленные комплексы, а продовольственная проблема Китая в последние годы существенно осложнилась из-за сокращения сельскохозяйственных площадей в условиях быстрого роста населения. Заинтересованность КНР в импорте продовольственного сырья, а также насыщения рынков этих стран более конкурентоспособной бытовой техникой может иметь неоднозначные последствия.

Это открывает перспективу создания в Латинской Америке масштабных трансокеанских коридоров, принимая во внимание то обстоятельство, что основные поставщики Китая не имеют прямого выхода к Тихому океану. А уже это, в свою очередь, может придать сильный импульс горизонтальной физической интеграции, учитывая, что в таком случае Чили и Перу превращаются в своеобразные тихоокеанские платформы для двух южноамериканских гигантов.

ПРАГМАТИЗМ НА ПЕРВОМ МЕСТЕ

В последние годы экономическая ситуация заметно изменилась. Впервые, по существу закончился «золотой век» Латинской Америки, которая в общей сложности поставила в Китай в первом десятилетии XXI в. сырьевых товаров и продовольствия почти на 100 млрд долл., тем самым существенно нарастив свой валютный потенциал и заметно повысив рейтинг в мировой политике. Это во многом было связано с замедлением темпов роста китайской экономики и ее большей ориентацией на внутренний рынок.

Напомним, что с 2000 по 2013 г. Китай превратился в главного торгового партнера Латинской Америки и Карибов. Торговый оборот возрос с 12 до 275 млрд долл., то есть в 22 раза (!)³. Однако некоторое торможение, четко контролируемое китайскими властями, весьма и весьма относительно и не идет ни в какое сравнение с прогнозами мировых финансовых центров о практически нулевом росте в 2015 г. в России и почти символическом росте в южноамериканских странах (страны Центральной Америки и Карибского бассейна в этом отношении находятся в более выгодном положении, так как напрямую завязаны с набирающей обороты экономикой США). Так, согласно прогнозам МВФ, ожидается, что спад китайской экономики будет незначительным по сравнению с 2014 г., когда рост ВВП составил 7,4%. В 2015 г. он может составить 7,1%, в 2016 г. — 7% и в 2017 г. — 6,9%. В этом плане китайцам можно только позавидовать⁴.

Кроме того, не все страны стремились к заключению договоров о свободной торговле с Китаем, который своим масштабным экспортом дешево-

го ширпотреба фактически разрушал целые отрасли латиноамериканской промышленности, что особенно болезненно отразилось на Аргентине и Бразилии.

О ситуации в Аргентине следует сказать особо. Это — типичный пример структурной разбалансированности торговли между двумя странами. В 2013 г. почти 100% аргентинского экспорта приходилось всего на пять сырьевых товаров (более 70% составляла соя и ее производные). В то же время экспорт Китая в эту страну на 95% состоял из промышленных товаров. При этом китайский экспорт в 2014 г. вдвое превосходил аргентинский (10,8 млрд долл. и 5 млрд долл. соответственно)⁵. Правда, на 2013 г. объем прямых инвестиций был весьма незначительным, не превышая 200 млн долл. Это во многом было связано с особенностями аргентинского законодательства, в котором было сильно развито протекционистское начало⁶. Именно в выправлении существующего дисбаланса была главная цель визита Кристины Фернандес де Киршнер в КНР в начале февраля 2015 г. Стороны обсудили ход реализации двадцати, подписанных еще в июле 2014 г., проектов, в основном в сфере гидроэнергетики, а также программу расширения экспорта в Китай аргентинских товаров и их диверсификацию.

Что касается Бразилии, то по существу аналогичная ситуация в известном смысле подтолкнула ее к более тесному сотрудничеству с США для совместной разработки стратегии таможенного сдерживания Китая⁷.

Тем не менее, проявляя определенную гибкость в переговорах по пересмотру образовавшегося торгового дисбаланса с Аргентиной, Бразилией, а также Мексикой, руководство Китая вместе с тем проявило стремление укреплять уже проложенный «шелковый путь» в Латинскую Америку. Это стало очевидным в ходе состоявшегося 8-9 января 2015 г. в Пекине первого совместного форума Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) и КНР, посвященного перспективам торговли и инвестиций.

Произошла заметная смена акцентов взаимодействия. С одной стороны, председателем правительства КНР Си Цзиньпином были обозначены планы выхода взаимной торговли к концу десятилетия на уровень 500 млрд долл. (т.е. увеличение вдвое по сравнению с уровнем 2014 г.), а также увеличения инвестиций на тот же период до 250 млрд долл. (напомним, что Китай уже выполнил вышеупомянутое обещание предыдущего председателя КНР, инвестировав в Латинскую Америку более 100 млрд долл.⁸). С другой, — подход к инвестированию в страны региона изменился. Это, по мнению многих обозревателей, видно на примере в целом неудачного визита на форум президента Венесуэлы Николаса Мадуро. (Он в известном смысле оказался в Пекине «белой вороной», так как форум был предназначен для министров иностранных дел, а не президентов. То же самое, кстати, произошло и с президентом Эквадора Рафаэлем Корреа.) И для того, и для другого КНР являлся «спасательным кругом», и в особенности для Мадуро, страна которого стояла на грани дефолта. Заявление последнего, что Китай в ближайшее десятилетие выделит Венесуэле инвестиции в размере около 50 млрд долл. вряд ли кого-то успокоило, так как президенту срочно нужны были средства не для инфраструктурных проектов, а для «латания дыр» в бюджете. Тем самым КНР в очередной раз показала, что

не собирается становиться донором даже идеологически близких ей режимов, в какой бы критической ситуации те не оказывались.

А ЧТО ЖЕ США?

Существует точка зрения, согласно которой Вашингтон довольно индифферентно относится к стремлению Китая существенно расширить свое экономическое присутствие в Западной полушарии и даже потеснить США в качестве главного торгового партнера таких государств, как Бразилия. Такой позиции придерживается, в частности, заместитель директора Института США и Канады, чл.-корр. РАН Виктор Александрович Кременюк. На одном из международных форумов он высказался в том плане, что инфраструктурные проекты, финансируемые КНР, ничего кроме пользы Латинской Америке не принесут и сделают ее более развитой и удобной для экономического взаимодействия с Соединенными Штатами.

Как представляется, все не так просто. Во-первых, США остаются главным торгово-экономическим партнером стран Латинской Америки. По крайней мере товарооборот в несколько сот миллиардов долларов уже сейчас превышает запланированный Китаем на конец десятилетия. Во-вторых, торговля с Соединенными Штатами для большинства государств региона более выгодна, так как в ее структуре находится место и товарам традиционного экспорта, и промышленным изделиям, которые столь неохотно покупает Китай. И, в-третьих, прагматичный Пекин отнюдь не стремится к наращиванию связей с левонационалистическими режимами и поддержанию их антиамериканских амбиций.

Тем не менее «шелковый путь» если и не ставит под угрозу проект создания Транстихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership, TPP), то в принципе может существенно затруднить его практическую реализацию и в известной мере отсечь от него тихоокеанские государства Латинской Америки. Это, в частности, относится к основанному в 2012 г. Тихоокеанскому альянсу (Alianza del Pacífico), включающему Мексику, Колумбию, Перу и Чили. Данного объединения, созданного по инициативе Мексики (кстати, при негласной поддержке Вашингтона), это, видимо, касается в меньшей степени, хотя резкая активизация связей с Китаем, вызывает немалую озабоченность в США. В этом отношении Мексика, несмотря на казалось бы кабальную привязанность к американскому рынку, стоит перед сложным выбором в связи с инвестиционными возможностями Китая и главное — его подчеркнутой заинтересованностью вкладывать в мексиканскую экономику. Для Чили и Перу, как мы уже отмечали, играющих роль своеобразной тихоокеанской платформы Китая, для противодействия которому Вашингтон, собственно, и замышлял Тихоокеанское партнерство, возникает ряд еще более трудноразрешимых проблем.

В период администрации Барака Обамы (в отличие от прежних правительств США) ни о каких крупномасштабных инициативах, касающихся стран Латинской Америки, речь фактически не шла. Исключение в известной мере составляли два проекта: наращивания притока латиноамериканских студентов в Соединенные Штаты до 100 тыс. в 2020 г., а также установление прямых связей с руководством штатов в тех федеральных государствах региона, с которыми у США отношения пока не складываются⁹.

Тем не менее две инициативы, предпринятые во время второго срока Обамы, на наш взгляд, по своим долгосрочным планам даже перевешивают региональные начинания его предшественников. Надо отдать должное американской администрации, которая в 2013 г. попыталась сдвинуть с мертвой точки вопрос о нелегальной миграции. Белый дом инициировал разработку нового закона о миграционной реформе, который дал бы возможность иностранцам, незаконно проживающим на территории США, легализовать свой статус. Планы реформирования системы миграционного законодательства были предложены как палатой представителей, так и инициативной группой американских сенаторов. Одновременно группа сенаторов (в основном республиканцев) предлагала значительно усилить пограничный контроль в качестве меры, сдерживающей рост нелегального проникновения на территорию страны. При этом массовая депортация нелегалов продолжалась.

Проект нового иммиграционного закона, включающего в себя механизм «амнистии», требовал значительных усилий по согласованию спорных вопросов и минимизации возможных негативных последствий. В преддверии ноябрьских выборов в конгресс 2014 г. проект стал в известном смысле их «заложником». Пройдя утверждение в сенате, документ был отклонен палатой депутатов. По крайней мере, ее председатель Джон Бейнер официально уведомил президента о том, что палата не утвердит новое миграционное законодательство.

К этому добавилось новое обстоятельство, существенно осложнившее положение Обамы. В июне 2014 г. мексиканскую границу удалось пересечь около 60 тыс. несовершеннолетних выходцев из Мексики и Центральной Америки, либо стремящихся воссоединиться со своими родителями, либо спасающихся от насилия центральноамериканских преступных молодежных групп («марас») и наркокартелей. Это, по выражению американского президента, создало обстановку «гуманитарного кризиса», что заставило его обратиться к конгрессу с просьбой о выделении 3,7 млрд долл., чтобы каким-то образом разрешить проблему и, в частности, организовать депортацию 45 тыс. детей, в чем ему было отказано. Президент оказался в безвыходной ситуации, тем более что его сторонники объявили его намерение депортировать детей «бесчеловечной акцией».

Тем не менее президент пошел еще дальше. Без консультаций с конгрессом он самостоятельно принял решение об особом статусе легализации для 5 млн нелегалов, не имевших криминального прошлого, ставя под угрозу свое будущее, так как формально республиканцы, победившие на выборах осенью 2014 г. и получившие большинство в обеих палатах, в том числе и заняв в них ряд ключевых постов, могли инициировать импичмент.

Другим поистине историческим событием стало объявленное американской и кубинской сторонами в декабре 2014 г. решение о возобновлении дипломатических отношений. Тем самым США признали неэффективность 50-летней блокады и как бы пошли навстречу подавляющему большинству государств Латинской Америки, которые на третьем саммите CELAC в Коста-Рике в марте 2015 г. вновь потребовали от Вашингтона отмены эмбарго. Что касается самого эмбарго, то о его снятии речь, конечно же, еще долго не будет идти, тем более учитывая расстановку сил в парламенте Соединенных Штатов. Тем не менее, с одной стороны, восстановление ди-

пломатических отношений существенно расширяет диапазон взаимодействия между сторонами и в экономической, и в гуманитарной сфере. С другой — у сторон остается буквально море разногласий. Так, американские дипломаты наверняка постараются расширить контакты с кубинскими диссидентами, чему, несомненно, будет препятствовать Гавана. Нет оснований предполагать, что повторится «черный март» 2003 г., когда американская миссия буквально «подставила» более 70 диссидентов, получивших громадные тюремные сроки и лишь усилиями Испании и кубинского кардинала Хайме Лукаса Ортеги-и-Аламино спустя несколько лет депортированных из страны. Тем не менее, как представляется, этот факт постоянно будет создавать напряженность в отношениях двух государств.

В целом же следует признать, что шаги администрации Обамы привели к заметному улучшению отношений «двух Америк», во многом смягчив конфликтность. При этом не следует забывать, что, развязав несколько узлов в Западном полушарии, руководство США облегчило себе «перевод стрелок» на Украину и Россию.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОГО МОСТА

Выдвинув несколько лет назад проект экономической ассоциации между Североамериканским соглашением о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA) и Европейским союзом, администрация Обамы в известном смысле перехватила инициативу у Общего рынка стран Южной Америки (Mercado Común del Sur, Mercosur), который еще с 1995 г. вступил в переговорный процесс с ЕС о создании зоны свободной торговли. Напомним, что начало переговоров совпало с тем моментом, когда европейские инвестиции в Mercosur впервые превысили американские. При этом, даже не имея соглашения о свободной торговле, Европейский союз к началу второго десятилетия XXI в. превратился в крупнейшего торгового партнера таких государств, как Бразилия.

Переговоры шли неравномерно, то ускоряясь и сопровождаясь ширококонтрастными заявлениями обеих сторон о перспективах наведения трансатлантического моста, то прерываясь на несколько лет. ЕС, безусловно, действовал с оглядкой на переговорный процесс по формированию Зоны свободной торговли Америк (Área de Libre Comercio de las Américas, ALCA), который в тот момент был в самом разгаре, стремясь не опоздать к формированию самого крупного в мире экономического пространства.

Другим объективным препятствием на пути перехода к свободной торговле между Mercosur и ЕС была политика сельскохозяйственного протекционизма, практиковавшаяся европейцами, которая по существу закрывала ворота агроэкспорту стран Южного конуса. И вот характерный пример: в момент, когда в мае 2004 г. переговоры по созданию ALCA вступили в завершающую стадию, неожиданно последовало заявление ЕС о готовности пересмотреть политику протекционизма в отношении отдельных товаров Mercosur, что до этого «отвергалось с порога». Как только стало ясно, что ALCA не состоится к намеченному сроку — 1 января 2005 г., — даже в варианте «light», переговоры с ЕС очередной раз затормозились.

Казалось бы «поезд тронулся» снова в 2010 г., когда на очередном саммите ЕС — Латинская Америка в Мадриде было принято решение о возобновлении

переговорного процесса, очередной, шестой, раунд которого состоялся в июле 2011 г. в Брюсселе. Однако все шло с большим трудом. С одной стороны, это объяснялось неспособностью стран — членов Mercosur и, в первую очередь, нежеланием Аргентины согласовать единый список товаров, необходимый для начала конкретных переговоров с ЕС по их экспорту. С другой — отсутствием единства среди 28 стран — членов ЕС. По крайней мере десять из них (в своем большинстве новые члены из Восточной и Центральной Европы), а также Франция открыто выступали против договора о свободной торговле, который, по мнению Парижа, нанесет ощутимый урон местному сельскому хозяйству. В целом же, как представляется, сторонам предстоит пройти длительный путь до достижения конкретных договоренностей. Поэтому о «евроатлантическом мосте» можно пока говорить лишь как об отдаленной геополитической перспективе.

В 2014 г. Mercosur находился далеко не в лучшем состоянии, во многом раздраемый внутренними противоречиями. Скандальное исключение из объединения Парагвая в июне 2012 г. после не вполне демократического отстранения от власти президента Фернандо Луго (членство Парагвая было восстановлено в 2013 г. после проведения в стране президентских выборов) и одновременное присоединение Венесуэлы не укрепило внутреннее единство группировки. В известном смысле объединение оказалось в определенной геополитической изоляции, не вписываясь ни в один из намечаемых Соединенными Штатами новых глобальных проектов.

Даже по вопросу ассоциации с ЕС — на тот момент единственному шансу подключиться к новым проектам глобальной экономики — позиции сторон явно не состыковались. Бразилия, по сказанным в кулуарах словам Дилмы Руссефф, выступила с инициативой сепаратного соглашения о свободной торговле с Европейским союзом.

Видимо неслучайно, несмотря на изначально негативную реакцию на создание Тихоокеанского альянса, бразильская дипломатия в условиях роста изоляционистских тенденций и неблагоприятного состояния Mercosur заметно изменила свою позицию. В феврале 2014 г., выступая в сенате, министр иностранных дел Луис Алберту Фигейреду заявил о заинтересованности в ускоренной интеграции двух группировок, тем более что с каждым из членов альянса Mercosur имеет соглашения о постепенном устранении таможенных барьеров. Министр высказался за то, чтобы ускорить этот процесс¹⁰.

Нелишним будет отметить и весьма неблагоприятную для принятия принципиальных решений внутривнутриполитическую конъюнктуру в ряде государств. В 2014 г. Бразилия была накануне всеобщих выборов. Срок полномочий президента Аргентины К. Фернандес де Киршнер истекал в 2015 г., и она в известном смысле уже напоминала «хромую утку». Венесуэла переживала беспрецедентный по масштабам политический и экономический кризис. Уругвай и Парагвай обладали слишком незначительным экономическим весом, чтобы возглавить процесс обновления, в котором, как выразился президент Уругвая Хосе Мухика, остро нуждался Mercosur. Вместе с тем появление американского проекта, как представляется, должно бы подстегнуть лидеров группы. Это уже нашло выражение в том, что Д. Руссефф в начале 2015 г. заявила, что членам Mercosur наконец удалось согласовать список товаров, в переговоры о либерализации которых они готовы вступить с Евросоюзом.

Как представляется, определенная логика существует и в действиях ЕС по нормализации отношений с Кубой. Больше года Вашингтон и Гавана в секретном режиме обсуждали вопрос о восстановлении дипломатических отношений, но, вероятно, определенная утечка информации все же была. Европейский союз в данном случае не хочет терять такой «лакомый кусок», как Куба, тем более, если речь пойдет о постепенном снятии эмбарго.

Напомним, что западноевропейские государства неоднократно выступали с критикой политики США по экономическому удушению социалистической Кубы. Достаточно напомнить их реакцию на хорошо известный Закон Хэлмса-Бертон от 1996 г. Угрожая Вашингтону вынести его на рассмотрение ВТО в связи с экстерриториальностью, ЕС фактически блокировал разделы, касавшиеся деятельности иностранных компаний на Кубе, вынуждая президента Соединенных Штатов отменить действие указанных разделов закона, работавшего почти 20 лет.

Вместе с тем, выступая за продолжение диалога с кубинскими властями и экономическое сотрудничество с Гаваной, ЕС уделял особое внимание соблюдению прав человека на Кубе и неоднократно выступал за расширение демократических свобод. В конечном итоге с подачи правительства Хосе Марии Аснара в 1996 г. ЕС приняла решение о проведении «единой политики» в отношении Кубы, увязывая расширение сотрудничества с продвижением этой страны к демократическим формам правления.

В ноябре 2009 г. Гавану посетил еврокомиссар по вопросам развития и гуманитарной помощи Карел де Гюхт. Критически высказавшись в отношении политики эмбарго, проводимой Вашингтоном, представитель ЕС заявил о необходимости нового формата отношений с Кубой при условии соблюдения основополагающих прав человека в этой стране¹¹.

10 февраля 2014 г. Совет министров иностранных дел ЕС, казалось бы, сделал важный шаг по пути расширения контактов с Кубой. Им было принято решение о начале переговоров с кубинской стороной о заключении соглашения о политическом диалоге и экономическом сотрудничестве. При этом отмечалось, что упоминавшееся выше решение о проведении «единой политики в отношении Кубы» остается в силе. Спустя месяц кубинская сторона положительно отреагировала на европейскую инициативу.

В этой связи привлекает внимание визит на Кубу в апреле 2014 г. министра иностранных дел Франции Лорана Фабиуса, целью которого была подготовка переговоров. Стоит отметить, что политик еще в недавнем прошлом был одним из наиболее рьяных критиков кубинских властей за репрессии «черного марта» 2003 г. Переговоры действительно начались в намеченные сроки. Для их ведения в Гавану прибыл генеральный директор по отношениям с государствами Америки Европейской службы по внешним связям Кристиан Леффлер, сопровождаемый послом ЕС на Кубе Херманом Портокареро. 4-5 марта 2015 г. состоялась третья по счету встреча Куба — ЕС, на которой уже обсуждались конкретные проекты сотрудничества в различных областях. На тот момент Куба оставалась единственным латиноамериканским государством, с которым у ЕС не было двустороннего соглашения о сотрудничестве, хотя более половины из 28 его членов подобные соглашения с Гаваной уже имели.

Возобновились переговоры Кубы и Парижского клуба кредиторов, прерванные в 2000 г. В конце 2013 г. делегация клуба посетила Гавану. Но на

пути их реального продолжения еще существует немало препятствий. Так, кубинская сторона отказывается давать информацию о своих золотовалютных резервах, считая это государственной тайной. Тем не менее определенный прогресс уже достигнут. В последние три года Куба в целом выполняла обязательства по обслуживанию долга. Кроме того, страна реструктурировала свои долговые обязательства с Китаем, Японией, Мексикой и Россией. По расчетам Парижского клуба общая задолженность Гаваны достигла 35,5 млрд долл. Напомним, что львиную долю составляли обязательства перед бывшим Советским Союзом, на 90% списанные в 2013 г.

Как видим, геополитическая картина Латинской Америки остается весьма пестрой, существуют разные сценарии ее развития, которые четко должны определиться не раньше конца второго десятилетия XXI в. Многие будут зависеть от того, как себя «поведут» латиноамериканские экономики. По крайней мере, судя по результатам 2014 г., тенденция к сокращению прямых иностранных инвестиций (сократились на 19%) может оказаться весьма устойчивой. Тем более, согласно заявлению генерального секретаря Экономической комиссии по Латинской Америке и Карибскому бассейну при ООН (ЭКЛАК) Алисии Барсена, возглавляемая ею организация вынуждена еще больше (правда она не уточнила, насколько) снизить первоначальный прогноз экономического роста региона в 2015 г. с 2,2%¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://www.infolatam.com/2015/01/08/america-latina-y-el-caribe>

² <http://www.infolatam.com/2014/01/07/peru-y-la-conexion-china>

³ <http://www.com/2015/01/08/>

⁴ <http://www.infolatam.com/-Datos-básicos-y-fuentes-de-información-sobre-el-comercio-de-China>

⁵ Там же.

⁶ В.П.С у д а р е в. Латинская Америка перед новыми геополитическими вызовами. М., 2015, с. 187.

⁷ См. подробнее В.П.С у д а р е в. Геополитика в Западном полушарии в начале XXI века. М., 2011, с. 84.

⁸ <http://www.infolatam.com/2015/01/08/america-latina-y-el-caribe>

⁹ В.П.С у д а р е в. Латинская Америка перед новыми геополитическими вызовами. - «Латинская Америка», №4, 2014.

¹⁰ <http://www.infolatam.com/2014/02/07>

¹¹ <http://www.infolatam.com/29/02/2014>

¹² <http://www.infolatam.com?2015/03/05>